Виктор Эдуард Приб

МАЛЫШ

www.literatur-viktor-prieb.de

Детская книга

написана для моего внука Консти
и ему посвящается

Берлин 2004

На краях Света

Солнце обогнуло угол хаты, заглянуло в маленькое окошко над завалинкой, пошарило по размётанной постели, нашло белую головку Малыша и остановилось на ней. Малыш проснулся счастливый, и беспричинная улыбка волновала веснушчатые поляны на его лице.

Глинянная кринка с молоком ждала его на столе. Малыш вылетел из хаты, нахватал тут же на косогоре, где стояла хата, жменьку клубники и влетел обратно. Он высыпал клубнику в миску, разбавил молоком из кринки, затем быстро и вкусно выхлебал свой завтрак. Малыша подбрасывало и крутило желание жить и действовать. Сегодня он обязательно должен был обследовать последний Край Света.

Малыш и вся его семья жили на Хуторе. Никто больше этого не знал, потому что так говорил только Отец, который привёз это слово из своего детства, которое он провёл на хуторе своего отца в одной из немецких колоний на юге России – где-то очень далеко от Хутора Малыша в Сибири.

Слово это, в числе многих других составляло язык Семьи. Этот язык представлял собой тарабарскую смесь из немецкого, украинского, польского и даже еврейского языков, которые знал Отец, смоленского простонародного диалекта, привнесённого Матерью, и сдобренного сверх того всякого рода крылатыми выражениями и словечками, вычитанными из книг и приобретшими в Семье, по большей части с

лёгкой руки Отца, нарицательный смысл. Этот язык впитал в себя всю географическую и этнографическую историю Семьи и отражал её в себе.

Хутор – когда-то маленькое поселение в двух километрах от более крупной деревни – сократился со временем до этой последней избушки, в которой ютилась семья Малыша из семи человек. Большая деревня по соседству сама не имела даже разумного названия. Она называлась «Центральная усадьба Чебулинского свиносовхоза», тогда как Хутор с бывшей в нём когда-то и между делом отслужившей коровьей фермой и этой последней потеряной халупой назывался «Второе отделение» этого свиносовхоза или просто «Вторая точка».

Это свинохозяйство вместе со всеми своими отделениями и точками представляло собой маленький Вавилон из осуждённых, сосланных и приписанных в его ведение немцев, чеченцев, калмыков и прочих «преступных» наций Советского государства, которые наряду с самими русскими населяли и обслуживали его.

Оставшаяся на Хуторе теперь последней хата состояла из одной единственной комнаты с русской печкой посредине, на чьей широкой и тёплой спине было много место для игры и спанья. Она стояла на широком, открытом и некрутом косогоре, поросшем жёсткой степной травою и окаймлённом по верху ковылём. Это поле травы начиналось прямо под дверью Малыша. Оно и снабжало его клубникой к завтраку.

Напротив хаты, метрах в пятидесяти, на верхнем краю косогора, стояла группа старых, нетронутых берёз, между которыми виднелись десятка три крестов. Там было Кладбище. Мимо него и дальше через поле – которое засевалось в разные годы то пшеницей, то рожью – вилась тропинка, по которой Отец ходил на работу.

Вниз от хаты тропинка вела к колодцу и дальше вниз – уже совсем еле заметная – к торфяному болотцу, заросшему лохматыми кочками, ивняком и кустами смородины, которое весной превращалось в целое море, а летом совсем пересыхало.

Слева от Хутора – там, где вставало солнце, в полукилометре от него – открывался глазу кусочек тракта, поднимавшийся по противоположному склону вверх и влево. А справа солнце садилось за берёзовый светлый лесок, смыкавшийся внизу с болотом, а вверху со ржаным полем. В этом же леске скрывалась идущая мимо Кладбища и пересекавшаяся около хаты с тропинкой старая конная дорога, заросшая шпорышом и подорожником.

Всё это пространство объединялось в сознании и в душе Малыша и в его Двор и в весь Белый Свет. Это были его владения. Он их хорошо изучил и точно знал, что там – на Краях этого Света - находится.

На одном Краю за лесом, куда уходила дорога, был Базар, на который весной перед воскресеньем уходили вслед за солнцем Отец и Мать. Но солнце они так ни разу и не догнали, потому что, когда они, на

завтра утром возвращаясь, выходили на опушку леса, солнце уже вставало им навстречу на другом краю.

Зато за плечами Отца всегда висел живой и страшно визгливый мешок. В хате из этого мешка высыпалась пара маленьких и розовеньких поросят с закрученными в колечко хвостиками. Последнее было очень важно, потому что, если хвостик раскручивался и верёвочкой свисал к полу, то Отец очень переживал. Такой поросёнок ничего не ел, а если ел, то высёрбывал одну юшку, оставляя гущу на дне. Такого называл расстроенный Отец шелудивым поросёнком – что, впрочем, относилось к летучим выражениям в языке Семьи и вполне могло при случае коснуться и Малыша.

А осенью Отец с Матерью снова уходили той же дорогой. Иногда они уезжали на одноконной бричке, если была возможность её взять в совхозной конюшне. Они брали с собой немного сала, или немного картошки, или чего там ещё Бог пошлёт и возвращались так же на восходе солнца с обновками для всех и для Малыша. Это был праздник. Если Малыш получал, например, новую, пахнущую свежим машинным маслом рубашку и примеривал её, то уже никто не мог его из неё вытащить – он и спал в ней в эту ночь.

С того же Края приезжал к Хутору старьевщик на одноконном фургончике. В обмен на кости, ржавые железяки и старые тряпки давал он Малышу такую игрушку – как правило какого-нибудь зверька из

глины – которую Малыш никогда ещё не видел. Потом – после произведённого с Малышом обмена – он уезжал к другому Краю, где виднелся кусочек тракта.

Малыш к приездам старьевщика всегда готовился. Вокруг хаты, на месте других прежних хат, было много обвалившихся, заросших травой ям. Они служили Малышу складами, в которые он собирал меновой товар. Одна из ям, где хранилось старое ржавое железо, так и называлась «Кузница».

Но дороже всего ценились кости. Они поступали частью со стола после их тщательной полировки – ещё одно словечко Отца, которым он обозначал жадную тщательность, с которой дети – иногда в очередь один после другого – обгладывали эти кости. Из них часть коротеньких с круглыми концами Малыш оставлял себе, потому что это были «бабки», в которые можно было играть, и хранил их.

Больше чем где-либо было костей сразу за торфяным болотцем на противоположном косогоре, где когда-то была коровья ферма. Там можно было найти иногда среди старых ям, в высохшем и заросшем бурьяном перегное даже целый коровий череп.

Иногда Малыш находил кости, играя на Кладбище. Кладбище было старое и часто, когда копали новую могилу, попадался либо череп, либо другие человеческие кости, которые так и оставались после этого лежать в траве, омываемые дождём и сушимые ветром.

Малыш Кладбища никогда не боялся. Это было пожалуй самое интересное место на его Свете. Здесь – на одном из старых, чуть заметных холмиков – рос огромный куст смородины, каких не было на торфяном болотце, и ягоды на нём всегда были крупные и чёрные.

Здесь же на краю рощицы, на старой могилке, которую уже не было видно, стоял огромный крест из двух грубо отёсанных брёвен. Этот крест по рассказам Отца поставили над своим почившим собратом кочевавшие когда-то здесь мимо калмыки. Никаких надписей на кресте не было. Малышу, вскарабкивающемуся на его перекладину, он служил то просто мотоциклом, то лихим скакуном Буцефалом – смотря по настроению Малыша.

А весной на Кладбище в вершинах берёз плели свои гнёзда сороки. Малыш точно знал, когда в этих гнёздах появлялись маленькие крапчатые яички. Токда он вскарабкивался на несколько берёз, набирал осторожно несколько штук яиц из разных гнёзд – никогда нельзя было разорять полностью одно гнездо, иначе так-то не умеющие считать сороки замечали это и покидали гнездо – и варил их тут же на костре в ржавой консервной банке, набив её лежащим ещё кругом снегом.

Но самые вкусные вещи находил он на ухоженной могилке за синей оградкой. На ней стоял невысокий крест с прикреплённой к нему

застеклённой коробкой-рамой, внутри которой виднелась поблекшая фотография юноши, обрамлённая цветами из вощёной бумаги.

На эту могилку в определённые дни – которые Малыш естественно тоже хорошо знал – приходили две сухонькие сестры-старушки, и после их ухода Малыш находил на коробке, на самом кресте или на прожилинах оградки конфетки и печенье. Малыш так и понимал, что это положено ему, потому что он один и *жил* на этом Кладбище. К этой могилке Малыш относился с особой нежностью и старался ухаживать за ней, если старушки долго не появлялись.

От Кладбища виден был ещё один берёзовый лес за полем, куда вела тропинка. Там был другой Конец Света, куда уходил по утрам Отец. Малыш, пожалуй, ни разу и не видел, как он уходил – иногда только слышал сквозь сон. Но зато он всегда встречал его вечером около Кладбища, когда Отец возвращался – будь то зимой или летом.

Зимой всё вокруг заметало сугробами снега и Отец помечал свою тропинку прутьями-вешками, воткнутыми вдоль неё по краю. В сидоре, в котором он носил с собой свой обед из дома, всегда оставалось для Малыша что-нибудь вкусненькое «от зайчика», как говорил ему улыбаясь Отец.

Больше всего Малыш любил большую жёлтую шкурку от старого солёного сала, облепленную крошками хлеба и отцовой махорки. Лучше запаха и вкуса этой шкурки Малыш не знал ничего. Усталый

Отец брал жующего эту шкурку Малыша за руку или сажал его на свои широкие плечи и они шли домой.

Третий Край Света Малыш не любил и даже не проявлял к нему большого интереса. Туда уезжал старьевщик, увозя своё невиданное богатство и запасы Малыша. Оттуда, со стороны тракта, всегда привозили на бричке или в санях-розвальнях гробы с покойниками.

Тогда Кладбище наполнялось плачущими людьми, которые сначала закапывали привезённый гроб, а потом расходились по Кладбищу по двое или по одному, приседали на старые бугорки или на лавочки там, где были оградки. Кладбище становилось тихим и живым, наполненным молчаливыми, тёмными и сгорбленными фигурками.

Тогда Малыш страдал, наблюдая всё это с какого-нибудь края кладбищенской рощи, никем не замеченный. Когда Кладбище пустело, Малыш входил в него боязливо и отчуждённо. И, как нелепая рана, торчал среди зелени или белого снега коричневый глиняный холмик с ослепительно белым деревянным крестом. И долго ещё привыкал к чужаку на Кладбище Малыш, пока не покрывался холмик снегом или травою, а крест становился серым от дождей и ветра. Всё проходит – проходили и страдания Малыша.

Ничего не знал Малыш о четвёртом Конце Света, куда не вела ни одна дорога, а тропинка вилась лишь от хаты до колодца и дальше – уже совсем еле заметная – вниз до торфяного болотца. Там за

болотцем, где была коровья ферма с костями – дальше и влево от неё шли вверх до горизонта засеянные чем-то поля. Но Малыш знал, что самый-то настоящий Край Света был не там, а немного в стороне: между этими полями с фермой и болотом.

Там, за овражком, плавно всходило до самого неба поросшее зелёной и сочной травой – в отличие от родного косогора – поле. И на самом его краю корнями в горизонт, а верхушками в серые перья облаков росли белыми стволами на фоне голубого неба три берёзы – две вместе, а одна чуть в стороне.

За этими берёзами кончалось всё и кончалось воображение Малыша. Из-за этих берёз – то ли с неба, то ли где-то внизу под ними как из какой-то преисподней – рокотала до самой хаты отдалённым гулом тишина. Это рокотала день и ночь пролегающая в нескольких километрах от Хутора Транссибирская железнодорожная магистраль, которую Малыш никогда не видел и о которой он на своём Свете не мог ничего знать.

Всё, что не знал, но слышал Малыш непонятного от Отца – о другой жизни его в Украине, о войне и Германии и ещё о многом другом – всё было для него за этим Краем. И казалось ему, что стоит только один единственный разок заглянуть за этот Край и всё станет сразу зримым и понятным, представится как обширная панорама, наблюдаемая с высокого обрыва.

Этот Край правда глубоко страшил Малыша, но и неудержимо манил, будоража душу его где-то под ложечкой и выше в груди и и холодя её. Малыш давно уже собирался с духом, чтобы дойти до этих берёз – две вместе и одна немного в стороне – и заглянуть за Край.

Сегодня он проснулся с чувством, что этот день настал. Всё же для верности он решил взять с собою Арапа.

*

Верный друг и лучший партнёр – пёс Арап

Арап – красивый и умный дворовый пёс, рыжий, как осенний берёзовый лист – не раз уже выручал Малыша во всяческих его рисковых предприятиях. Арап был в Семье всё время, сколько помнил Малыш. Арап пользовался в Семье неограниченными правами и свободой, а о его подвигах и заслугах рассказывали в Семье с уважением.

Самым главным был, конечно, случай с Дорой – старой, треблатой и недалёкой, однако для Семьи жизненно важной дойной коровой. Она была приобретена по счастливому случаю. Когда Отец после войны и ей последующего трудового концентрационного лагеря возвратился к своей голодающей семье – посредством того, что он согласился быть сосланным под комендантский надзор в этот свиносовхоз – в семье снова проснулась надежда на несколько лучшую жизнь.

Отец должен был работать в совхозе каменщиком и ему даже была положена небольшая зарплпта за это. С этой маленькой зарплаты он умудрялся каждый месяц отложить пару рублей в заначку: дети неотложно нуждались молока, чтобы расти здоровыми при и без того скудной еде да ещё при обычном в Сибире недостатке витаминов.

Он наметил себе купить по меньшей мере козу – о корове из-за цен на базаре нечего было и думать. Когда дошло до дела и они с Матерью пошли на базар, им попалась по дешевке – по цене чуть больше, чем за козу – старая Дора. Так появилась в Семье Дора и так начала Семья понемногу жить, как потом рассказывала про это всё время Мать.

Корова до зимы содержалась в загоне из жердей за хатой. На зиму её переводили в стайку, которая примыкала прямо к стенке хаты, так что в ледяной зимний мороз можно было попасть в стайку прямо из хаты. На плоскую крышу стайки складывали зародом пахучее сено на зиму. Из стайки вёл ход вниз – в отрытый прямо в земле, перекрытый досками и засыпанный землёй барак для поросят. Рядом с этой засыпанной землёй и заросшей бурьяном наклонной крышей барака и располагался по несчастью жердяной загон прожорливой и до жратвы жадной Доры.

Однажды, поздней осенью, когда сено было уже сложено на крышу стайки, а Дора должна была всё ещё томиться в загоне, она – соблазнённая ночью запахом свежего сена – проломила жерди загона и

вскарабкалась на обледенелую крышу барака в попытке добраться до сена и полакомиться им, но подскользнулась – по Божьей немилости – и завалилась между косой крышей барака и загоном, устремив все свои четыре пары копыт к ясной и морозной луне.

Не дожить бы ей в таких исключительно стеснённых обстоятельствах до утра, но не спал бдительный Арап! Уже в следующиу момент вылетел он махом на крышу барака, оценил нелепое положение Доры, которая в тоске своей даже не пыталась мычать, а только косила на Арапа выкатившимся и сверкающим белком печального глаза, гавкнул на неё беззлобно, но презрительно и понёсся вокруг хаты к двери, неистово лая.

Он лаял и бился в дверь пока не поднял Отца, а когда заспанный Отец вышел, чертыхаясь и ничего не понимая, из двери – Арап кидался на него и рычал, и хватал зубами за белые кальсоны, и тянул за собой. Отбегал за угол, скуля, и снова бросался к Отцу. Добился понимания и привёл Отца к Доре.

Другой случай был не так значителен для Семьи, но очень характеризовал бескорыстие и честность Арапа. Остались они однажды днём в хате вдвоём с Муркой – чёрно-белой семейной кошкой. На столе, где ели, всегда оставалось чего-нибудь съедобного – молоко с хлебом, кусочек сала, кость в тарелке, подлежащая полировке – так что каждый мог найти себе что перекусить, если он проголодается и

обессилиет в течение дня. Только вечером, когда Отец приходил с работы и садился к столу ужинать, собиралась за столом вся Семья.

Арап спал на половике у порога, разморенный солнцем, а Мурка сидела на печке, прижмурив свои зелёные и хитрые кошачьи глаза, и посматривала то на зыбкий сон вздрагивающего время от времени и щёлкающего себя зубами за бока Арапа, то на лакомный стол, давно искушавший её. Наконец искушение пересилило все другие соображения, и Мурка, мягко опустившись с печи, вспрыгнула на стол.

Арап зафиксировал её сразу, когда она ещё только спустилась на пол, но подошёл к столу только после того, как она полностью и окончательно разоблачилась в своих преступных планах, и басом гавкнул ей своё неподкупное и честное мнение о её поступке.

Мурка сразу поняла, что попалась, забыла о еде и хотела только одного – незаметно смыться. Напрасно! Все её попытки миролюбиво смыться со стола и избежать справедливого штрафа Арап предупреждал строгим лаем. Когда пришла домой Мать, бедная Мурка так и сидела на столе, ничего не тронув, а Арап лежал под столом, дожидаясь, чтобы сдать Мурку хозяйской воле с рук на руки с поличным.

Сам Арап никогда не позволял себе тронуть в хате то, что ему не предназначалось. Правда с Муркой он вовсе не считал нужным вести себя также прилично. Мурка обычно, когда у неё были котята,

добывала им пищу охотой в окрестных полях и лесах и никогда при этом не возвращалась без добычи. Носила она полевых мышей, но иногда попадались ей в когти и птицы, и даже маленькие зайчата или сурки.

Арап неизвестно за что обложил Мурку непомерной ханской данью, которую она должна была ему платить. Если он был дома, то всегда встречал Мурку при её возвращении с охоты и преграждал ей своим телом дорогу домой, становясь вызывающе поперёк дороги. Мурка – видя, что на этот раз миновать Арапа не удалось – клала свою добычу к его ногам и беспрекословно, но с достоинством удалялась.

Спасало Мурку и её котят от голодной смерти только одно – Арап и сам дома бывал днём редко, а где его носило никто не знал. Иногда он прибегал домой, хромая на трёх лапах, иногда приползал он домой вообще чуть живой и долго потом ещё зализывал стреляные раны, скуля и жалуясь на людей.

Плохую службу служил ему цвет осеннего берёзового листа – все, в том числе охотники, случавшиеся в округе, принимали его на свободе за лисицу. Но ничего не вразумляло этого умного пса, и страстная тяга к свободе и простору преследовали его до самого его конца.

Попытки спасти его, посадив на цепь, были бесполезны – он стаскивал с себя лапами ошейник и убегал. Если не мог снять ошейник – бился и метался до тех пор, пока не рвал цепь, и всё-равно убегал.

Так и убежал он однажды с концом и никогда больше не возвратился. Не вернулся день, не вернулся другой. Такое бывало и раньше, но тогда он уже приползал домой в тяжёлом состоянии. Когда он не вернулся и на третий день, Семья поняла, что он уже никогда больше и не придёт.

Это была первая утрата в Семье Малыша и первая утрата в жизни Малыша. Долго потом ещё обследовал Малыш свои владения, но нигде никаких следов Арапа не нашёл. И осознал тогда уже Малыш злобу и неприветливость далёкого и чужого другого Света, и почувствовал себя неуверенно и одиноко на этом Свете.

*

Гремящая тишина той дали

Сейчас Арапа Малыш опять не дозвался, но когда он дошёл до болота, нагнал его невесть откуда примчавшийся и запыхавшийся Арап – такой же свободный, как и Малыш – и от радостного восторга обмыл шершавым и горячим языком все веснушки на лице Малыша.

Арап забегал вперёд, возвращался снова к Малышу, заглядывал ему в глаза, желая угадать его намерения. Когда за болотом он понял, что задумал Малыш, то уже без суеты, ровно затрусил в нескольких метрах впереди Малыша. Овраг он взял сходу. Малыш же застрял на дне оврага с крутыми стенками в его рост.

Малыш не знал, что овраг такой глубокий и крутой – до сюда он один ещё никогда не доходил. Вся Семья приходила к оврагу только иногда ранней весной, когда всё вокруг наполнялось таким рёвом, что ночью даже трудно было спать – это ревел и пенился овраг, по которому неслись в болото со всего склона талые воды, переполняющие овраг.

Выручил верный Арап – ухватив зубами Малыша то ли за ворот, то ли за лямку штанов, он тащил его, приседая на задние лапы и повизгивая, пока Малыш не выкарабкался с его помощью наверх. Это сбило с Малыша уверенность в себе и он бы уже и не пошёл дальше, а вернулся бы лучше назад не будь рядом с ним надёжного Арапа. Арап заглянул Малышу в лицо и пристроился рядом под его левой рукой.

Чем ближе надвигались берёзы, тем яснее ощущал за ними Малыш чистую пустоту неба и тем больший трепет охватывал его. И когда до горизонта, из которого росли берёзы, оставалось уже совсем немного – вырвался из-за него, из рокочущей где-то тишины, навстречу Малышу и притихшему Арапу резкий, как хлопок одеяла, порыв горячего ветра.

Крайне напряжённый ожиданием заглянуть за Край Малыш не выдержал больше и понёсся в панике кубарем вниз, втянув голову в плечи и видя перед собой только сверканье своих ног в нажитых за лето цыпках до крови.

Вокруг него в диком восторге носился Арап, заливаясь лаем и радуясь затеянной Малышом игре. При этом он пытался ухватить

играючи Малыша зубами за пятки, отчего Малыш наддавал в своём беге ещё сильнее. Опомнился Малыш, только кубарем скатившись на дно оврага и почувствовав спиной его надёжную отвесную стену...

Так и не удалось тогда Малышу заглянуть за тот так будоражищий Край его Света, и так и осталась в нём с тех пор и навсегда страстная и всё преобладающая тоска по грохочущей, гудящей и манящей тишине той незнакомой и неисследованной дали.

***